АРХИВ «ЛГ»

С. Я. МАРШАК:

«НЕТ НИЧЕГО ДОРОЖЕ ДЛЯ АВТОРА, ЧЕМ ПРИСТАЛЬНОЕ И ЧУТКОЕ ВНИМАНИЕ ТАЛАНТЛИВОГО ЧИТАТЕЛЯ»

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ПОЭТА С КИЕВСКОЙ РАБОТНИЦЕЙ Г. И. ЗИНЧЕНКО

В восьмом томе собрания сочинений С. Я. Маршака, где напечатаны письма поэта к В. Стасову и М. Горькому, А. Блоку и А. Твардовскому, среди более чем четырехсот «избранных писем» есть одно, адресованное киевлянке Г. И. Зинченко. В примечании сказано, что Г. И. Зинченко работает закройщицей в ателье. Я был знаком с ней много лет. Несколько раз Галина Ильинична приносила в наш корреспондентский пункт свои статьи и заметки. «Литературная газета» охотно печатала их, писала Зинченко всегда живо и интересно, будь это отклик на какое-то важное событие или читательские размышления о новой книге. Статьи ее печатались в журналах, в «Известиях», в «Труде», в киевских газетах. А работала она все послевоенные годы закройщицей 3-й фабрики «Индпошива» и, кстати, считалась в своем деле едва ли не лучшей специалисткой в городе.

Пишу я о Галине Ильиничне в прошедшем времени, потому что год назад, увы, ее не стало. Она была удивительным человеком, и читатели, надеюсь, смогут убедиться в этом, прочитав публикуемые ниже письма. Мы признательны сыну и невестке Галины Ильиничны, Аркадию Аркадьевичу и Тамаре Васильевне Зинченко, за любезно предоставленную возможность ознакомиться с хранящимися в семейном архиве копиями писем Г. И. Зинченко к С. Я. Маршаку и писем к ней самого поэта. Переписка эта длилась до последних дней жизни С. Я. Маршака. Началась же она с письма, обычного читательского отклика, который Галина Ильинична написала поэту. К сожалению, оно не сохранилось даже в копии или черновике, но можно предположить, что написано было в конце 1957 года, потому что первое письмо Маршака Галине Ильиничне в Киев датировано 2 января 1958 года:

«Дорогая Галина Ильинична!

Простите, что отвечаю Вам так поздно. Меня глубоко тронул Ваш привет, и я бы давно отозвался на него, если бы не был так перегружен работой.

Нет ничего дороже для автора, чем пристальное и чуткое внимание талантливого читателя. Такое внимание я ощутил в нескольких строчках Вашего письма. (Здесь и далее подчеркнуто мною. — **К. Г.**).

Разрешите мне послать Вам на память мои переводы из Бернса — книгу, в которую я вложил много души.

Желаю Вам здоровья и счастья.

С искренним приветом
С. МАРШАК».

Должно быть, С. Я. Маршак уловил в письме незнакомой киевлянки нечто такое, что выделило его среди других писем и позволило назвать автора «талантливым читателем». Получив письмо поэта и сборник его переводов, Галина Ильинична через несколько дней, 12 января 1958 года, писала:

«Уважаемый Самуил Яковлевич!

От души тронута Вашим вниманием. Получила Вашу книгу переводов Бернса. И уже всю ее прочитала.

Язык у Вас простой, то есть ясный. Я поняла, почему Вы часто избираете своими читателями детей, — дети любят ясность. Выражения у Вас самые обыкновенные. Иному читателю, наверно, кажется: что тут особенного? И я бы смог так написать (а пусть попробует!)...

Я получила огромное удовольствие от Вашей книги. В ней есть то, к чему стремится каждый из нас и в жизни, и в работе: ничего лишнего. И потому все прочитанное поражает свежестью, яркостью и простотой, той особой простотой, через которую постигаешь великую сложность жизни. Веселые, жизнерадостные, полные юмора песни Бернса в то же время полны непроходимой тоски. Бернс смеется и поет с горя, чтобы забыться. Вам близки дети и Вам близок Бернс. Он описывает иногда и грубых, и пьяных людей, но все его творчество нежно, ярко, как молодые побеги старого дерева.

Больше всего мне понравились эпиграммы. В них особенно чувствуется Ваше мастерство...

Печатное слово, действительно, великая вещь. Что, казалось бы, общего может быть у меня с Вами! Но вот лежит передо мной Ваша книга с надписью, и выходит, что мы уже с Вами вроде знакомы. Я с гордостью показываю своим близким Вашу надпись и сама удивляюсь: за что мне такая честь?

Желаю Вам здоровья и бодрости. Работы впереди у Вас еще очень много. Пусть Вас не смущают годы. Есть люди, которых время не старит, а молодит.

Я подписалась на Ваше собрание сочинений в 4 томах. Буду читать и знакомиться с Вами.

Люди недаром придумали читать и писать книги. И то, и другое делает жизнь замечательной.

Еще раз спасибо!
Г. ЗИНЧЕНКО».

Так, собственно, началось это знакомство, пока еще заочное. Но вот письмо, написанное Галиной Ильиничной всего лишь год спустя. Прочитав его, мы убедимся, что переписка между поэтом и его читательницей приобрела к тому времени уже довольно регулярный характер.

«Киев, 3. 1. 59 г.

Дорогой Самуил Яковлевич!

Ну, вот 1-е число, — и от Вас телеграмма. Самое главное, это значит, Вы уже здоровы. А то я совсем раскисла, когда получила от Вашего секретаря письмо, что Вы больны. Я даже набралась смелости и позвонила Вам. Мне сказали, что Вы поправляетесь. Больше я не решилась беспокоить.

Конечно, надо было бы Вас пожурить за то, что плохо за собой смотрите, только я, к сожалению, не имею таких прав.

Прочитала второй том Ваших сочинений. А вчера мне сын принес 12-ю книжку «Нового мира». Мое убеждение, что в лирике Вы еще сильней, чем в детской книге. Тема времени — действительно, глубокая тема. Само понятие «время» трудно определить. Пожалуй, это и есть жизнь в движении. Только время не имеет настоящего, оно все в прошлом и в будущем. А само слово «жизнь» говорит за себя: оно все в настоящем.

Каждое Ваше стихотворение заставляет думать. Закончишь его и опять читаешь сначала.

Все стихи хороши, но более других мне понравились «Бор», «Ландыш», «Дождь», «Сколько раз пытался я ускорить...», «На родине Бернса», «Как призрачно мое существованье!..», «Как поработала зима!..». А особенно «Ландыш». Чего только стоит «природой бережно спеленутый» — надо же уметь так подметить! Из «Нового мира» лучше других «Ты много ли видел на свете берез?».

Очень нравится мне, как Вы пишете. И даже не могу понять — чем. То ли чистотой, то ли иронией («И если мы счастья еще не нашли, то, может быть, только от лени»), то ли большим мастерством, но вероятнее всего тем, что я вижу вас таким, каким мне Вас хочется видеть...

Читаешь Ваше стихотворение и думаешь: как хорошо! Но это еще не все, самое ценное будет в конце. И, действительно, почти всегда так и получается.

Отдел «Сор из избы» — замечателен. «Зубная быль» — прямо непревзойденная. А фраза из «Урока вежливости»:

Но, видно, воспитатели
Напрасно время тратили,

— уже вошла у нас в семье в обиход.

Каждая Ваша строчка говорит о глубине и радости жизни (только о любви мало стихов). И удивительно переплетаются в Вашем творчестве две линии. Одна лирическая, музыкальная, нежная (кажется, нет, это человек не от мира сего, раз он так все видит и понимает), и другая — чисто земная, полная лукавства и практического ума. Разве можно сказать, что «Не знаю, когда прилетел соловей...» и хотя бы «Мистер Твистер» написаны одной рукой?

Своей лирикой Вы напоминаете людям, что надо иногда и подумать. Что думы — это тоже радость и тоже ценность.

Наш век — суетливый век. Времени для размышлений нет. Требования жизни (и в семье, и на работе) так велики, что приходится всю жизнь проводить в спешке...

И эта суетливость приводит к недооценке многих важных и сложных моментов (например, силы чувства, чистоты убеждения, различия индивидуальностей) и переоценке различных жизненных успехов (материальных благ, служебного продвижения и т. п.)...

«Новый мир» обещает в этом году Вашу повесть «Начало жизни». Я как раз подписалась на «Н. М.», — так что буду ждать.

Поздравляю Вас с уже наступившим Новым годом, а также с первой ракетой к Луне. Как интересно жить на свете!

Желаю Вам здоровья и счастья. Очень крепко желаю...»

Нужно заметить, что в наш скоростной век люди стали гораздо реже, чем в прошлые времена, обмениваться письмами. Когда Министерство связи СССР не без гордости заявляет о более чем 50 миллиардах почтовых отправлений за год, то имеются в виду, главным образом, доставка газет, журналов, служебных бумаг и, конечно, бурный поток праздничных поздравлений. Меньше всего здесь так называемой частной переписки. Есть телефонная связь — городская и междугородная — исчезла надобность писать самому и ждать ответа. К тому же люди больше ездят — чаще встречаются. Постепенно писание писем как-то стало выходить из моды. Даже в писательской среде. И на наших глазах начинает исчезать прекрасный и совершенно самостоятельный литературный жанр — эпистолярный, давший человечеству немало подлинных литературных шедевров.

Об этом невольно подумалось при чтении писем С. Я. Маршака. Их очень много — поэт принадлежал к старой писательской школе. Письма сугубо деловые и дружеские, письма—рецензии и литературные консультации, размышления о творчестве и о жизни, письма, которые — чувствуется! — написаны не по необходимости, а потому лишь, что просто захотелось вдруг «побеседовать» с близким человеком, — таково эпистолярное наследие поэта. Немало такого рода писем получала от Маршака и Зинченко.

26. VII. 1960 г. (в этот период Маршак часто болел):

«Моя дорогая Галина Ильинична!

Последнее Ваше письмо снова ободрило меня и придало мне сил. **Находясь на далеком расстоянии, Вы как-то умеете говорить о том, что для меня в данную минуту важнее всего.**

Из больницы я вышел, пообещав врачам поехать в клинический санаторий (в Барвиху), но сразу же погрузился в трудную работу — в правку 800 страниц последней корректуры моего 4-го тома, куда входят статьи, новые стихи, переводы и «В начале жизни»... Сотни сомнений приходят в голову, и ты не знаешь, резонное ли это сомнение или простая мнительность, в которую всегда впадаешь, сдавая книгу в печать. Трудно решить, что оставить, что опустить, пока еще судьба книги в твоих руках. Все же завтра книгу сдам...

По поводу повести (воспоминаний) получаю много сердечных писем, гораздо более убедительных, чем напечатанные рецензии. **У нас читатели часто щедрее и глубже критиков. Но самую лучшую оценку «Страниц воспоминаний» дали Вы. Жалко, что Ваше письмо имел возможность прочесть только я один.**

На днях поеду в Барвиху и там постараюсь (надеюсь постараться!) ввести в свой обиход то, что мне так трудно давалось всю мою долгую жизнь — порядок и режим. Главное — вернуть себе любовь к природе, на которую я не могу смотреть с тех пор, как на нее не смотрят глаза моего ушедшего из жизни друга. Со времени выхода из больницы я живу так, как Вы не советовали мне жить в своем письме: не умею отказывать посетителям, боясь их огорчить и обидеть, то и дело хлопочу о ком-нибудь, хотя и терпеть не могу просить.

Плохо то, что у меня не один возраст, как полагается человеку, а какая-то смесь возрастов. Мне и за семьдесят, как по паспорту, и тридцать, и двадцать, и шесть... Но довольно, наконец, о себе.

Мне очень жалко, что и у Вас, при всем Вашем умении сохранять душевный покой и жизнерадостность, при всей Вашей сердечной мудрости, бывают дни огорчений и тревог. Как было бы хорошо, если бы у Вас оставалось больше времени для писательской работы, к которой у Вас несомненно есть призвание. Это видно по Вашим статьям, а пожалуй, еще больше по письмам.

По Вашему примеру и я пишу Вам на этот раз поздней ночью — сейчас уже около двух.

Крепко жму Вашу руку и надеюсь в конце лета или осенью увидеться с Вами.

А пока пишите...»

Вскоре Галина Ильинична по приглашению С. Я. Маршака приехала в Москву, и заочное знакомство перешло наконец в «очное». В жизни нередко случается, что люди, никогда не встречавшиеся ранее и знающие друг друга только по письмам или публикациям, при личном знакомстве испытывают некоторое разочарование, может быть, даже только оттого, что в их воображении человек представлялся несколько иным. В данном случае этого не произошло. После встречи переписка стала еще более интенсивной, письма — более пространными.

30. I. 1961 г. Галина Ильинична писала:

«...Ну, вот, я наконец прочитала четвертый том. Впечатление очень большое. Пожалуй, даже большее, чем от первых трех томов. Дело в том, что те произведения уже хорошо знакомы читателю, они много раз печатались и переиздавались, а в четвертом томе все ново. Но не только потому. В четвертом томе слышится настоящий голос Маршака, который в предыдущих произведениях только угадывался. Так бывает иногда в жизни: встречаешься с человеком на работе, на собрании, вечерах, считаешь его своим знакомым, но настоящее знакомство, оказывается, произойдет после того, как увидишь его в быту, в своем доме, среди своих близких.

И это совсем неплохо, что в одном томе собраны и статьи, и воспоминания, и стихи. Напротив, одно дополняет другое для составления понятия о личности автора.

А ведь, Вы знаете, **читатель ценит, конечно, и талант, и мастерство, но более всего для него важен сам писатель, его характер, который измеряется степенью возможного доверия...**

Более всего читатель боится лжи, обмана. Так же, как мы боимся этого в жизни. Но в жизни это легче различить. Если женщина слишком тщательно одета и завита — уже ложь. Если в комнате слишком большой порядок и чистота — тоже ложь. Если человек очень правильно, гладко говорит — и это ложь. Нормальная бесхитростная жизнь требует какого-то законного беспорядка, асимметрии. И в этом последнем, в сущности, вся прелесть жизни. (Моя с Вами переписка — это тоже полнейшая асимметрия.)

Но в искусстве все сложней. И вот в четвертом томе мы неожиданно находим этот законный беспорядок. Оказывается, что Маршак, поэт, переводчик, прозаик, критик, всеми признанный великий мастер, еще не успел занять свое место на возвышении, ему подобающем. Ваша беседа с читателем напоминает беседу двух людей за столом. Читатель, слушая вас, глядит прямо перед собой, а не снизу вверх. И, главное, достигаете Вы этого, совсем не прибедняясь, не снижая высоты своих мыслей и чувств...

Это, конечно, далеко не все, что я имею сказать о четвертом томе. Но пока я хочу просто поделиться с Вами моей радостью: никогда не думала, что четвертый том — сборный, выпущенный «на ходу» — может оказаться такой удачей...

На днях послала письмо Лие Яковлевне (сестра С. Я. Маршака. — **К. Г.**). Вот я и узнаю от нее, как Ваше здоровье и настроение. От Вас писем пока не жду. Не засиживайтесь поздно, не переутомляйтесь. Пожалуйста, берегите себя, у Вас еще столько работы впереди.

Я уже здорова, работаю вовсю. За 12 дней этого месяца выпустила 101 изделие, то есть дала план на 170 процентов.

Еще раз спасибо Вам за телеграмму. Я даже не могу Вам передать, как я была тронута. Не знаю даже — вниманием ли ко мне, или просто тем, что я лишний раз убедилась в Вашей сердечности. Ведь, в сущности, вся наша жизнь — это поиски глубоких человеческих чувств. И как они редки!..

Шлю Вам горячий, горячий привет, такой, чтоб Вы почувствовали его тепло на расстоянии. Вы-то как раз это должны суметь».

Как видим, оба корреспондента уже хорошо знают, а главное — прекрасно понимают друг друга. Маршак делится своими замыслами, удачами, сомнениями. Зинченко откликается на каждую его новую книгу, новую публикацию или присланные стихи. Маршак интересуется ее жизнью, Зинченко пишет ему о своей семье, о работе (из письма от 8. XI. 1960 года):

«...Моя жизнь проходит так: целый день в цехе. Шум, гам. Моторы 12 машин гудят, радио включено (хотя его никто не слушает), мастерицы кричат (если говорить тихо, то не слышно), и еще у нас очень молодая, но очень крикливая заведующая. И в этом помещении, до отказа наполненном звуками, надо что-то соображать, кроить, придумывать. А в приемной тоже не всегда тихо: платьевая бригада отличается несоблюдением графика, и отсюда вечные скандалы. Должна похвастаться, что в моей бригаде — полный порядок...»

От письма к письму круг вопросов становится шире, некоторые письма напоминают продолжение прерванной беседы.

11. VII. 1962 г. из Крыма Маршак писал:

«...Простите, что так поздно собрался написать Вам. Последние недели в Москве так утомили меня, что по приезде сюда я впал в какое-то полудремотное состояние, из которого начинаю понемногу выходить только в последние дни. И все-таки кое-что — верно, по привычке — делаю. Еще в вагоне я перевел изящные и затейливые стихи классика английской детской поэзии Александра Мильна (помните его «Королевский бутерброд» в моем 3-м томе?)... Одно из переведенных мною стихотворений называется «Непослушная мама». В таких стихах меня пленяет радостное ощущение жизни, которого мне иной раз очень не хватает.

Живу я здесь в полной тишине как раз на середине пути между Ялтой и Севастополем. Здесь когда-то... я гостил у Горького в старинном доме, существующем еще с пушкинских времен. Но живу я сейчас не в этом большом, сером, одноэтажном доме с новыми пристройками, а в недавно построенном двухэтажном коттедже, в первом этаже. Перед моим балконом во всю ширь расстилается море. Но у самого моря я еще ни разу не был — слишком крут для меня спуск, а еще круче подъем...»

В этот период Галина Ильинична писала статью о творчестве С. Я. Маршака. Это была серьезная и большая работа, имевшая в оригинале около ста машинописных страниц. Под названием «Читая Маршака» она вышла в 1963 году в сборнике «Детская литература». Статья упоминается во многих письмах, в том числе и в этом:

«...Вам уже пора побольше печататься и даже без титула «закройщица», хоть этот титул очень почетен и звучит громко...

Что Вы сейчас делаете? Постарайтесь в дальнейшем писать более сжато, не лишая статей живости и непосредственности. И чем сложнее и тоньше мысли, тем конкретнее должна быть основа статьи, тем убедительнее и доказательнее должно быть содержание ее для читателя. Писать надо горячо, а потом переписывать, выжимая воду, находя более меткое выражение мыслей и заботясь о законченности каждой части статьи.

Не знаю, пригодятся ли Вам мои советы. Но мне хотелось бы, чтобы Вы, оставаясь до конца читательницей, приобрели больше профессионального мастерства, твердости, уверенности. И читайте больше хорошей прозы — классической и современной. Лежа в больнице, я зачитывался «Былым и думами» Герцена, статьями Белинского, прозой, статьями, заметками и письмами Пушкина, прозой Гоголя, Лермонтова, Чехова. А ведь все это я читал на своем веку много раз.

Помаленьку начинаю работать. Перевел очень трудные философские стихи Вильяма Блейка. Написал еще несколько своих четверостиший. Почему-то в последнее время я пристрастился к отдельным четверостишиям. То ли это свойственное возрасту стремление к наибольшей лаконичности, то ли четверостишия мои — последние капли пересыхающего потока. Будущее покажет...»

Так получилось, что на каждую новую вещь или новое издание Маршака Галина Ильинична писала обстоятельный отзыв. Должно быть, автору интересно и важно было знать мнение своей постоянной читательницы, во всяком случае, если не все, то почти все, что выходило в последние годы из-под пера С. Я. Маршака (а он писал тогда, несмотря на все ухудшающееся здоровье, очень много), Галина Ильинична читала — то ли в рукописи, то ли уже в опубликованном виде. Читала и откровенно делилась с автором своими впечатлениями.

Во многих письмах к Зинченко Самуил Яковлевич рассказывал о своей работе над вступительной статьей к избранным произведениям М. Ильина (Ильи Яковлевича Маршака, родного брата поэта). По поводу этой статьи Г. И. Зинченко писала (24. IV. 1962 г.):

«...Получила вчера «Воспитание словом». Это было так неожиданно и потому особенно приятно. Спасибо большое. Судя по почерку, здоровье Ваше в порядке. Но вообще, конечно, после всего перенесенного о полном порядке говорить еще рано. Но он будет. Запаситесь только терпением.

Вчера как раз был у меня выходной день, и я успела прочитать статью об Ильине. Теперь я понимаю, почему Вы считали эту статью такой неотложно важной, — никто, кроме Вас, ее не смог бы написать.

Статья не только интересна. Она удивительно легко читается — свойство, которым совсем не отличается большинство теперешних критических статей...

Правду сказать, наблюдая Вашу работу над статьей о Твардовском, я не раз думала, что дар критика у Вас намного слабее дара поэта. Сейчас... я беру свои слова (вернее — мысли) обратно.

Всю зиму я получала весточки от Лии Яковлевны и потому была в курсе дела — знала, как тяжело Вы больны...

Я очень люблю получать Ваши письма, но все же пока не пишите мне. Напишите тогда, когда совсем поправитесь. А пока используйте каждую минуту для полного восстановления своих сил...

Внуку моему уже на днях исполняется шесть лет. Время не идет, а бежит. И выходит, что мы стареем. И никуда от этого не денешься. Крепко жму Вашу руку. Еще раз спасибо за книгу. В последнее время мне иногда кажется, что Вы и вправду мой добрый друг».

Самуил Яковлевич тяжело болел, но продолжал работать и писать. Новые стихи отправлялись в Киев. 9.V. 1964 г. он писал:

«Дорогая Галина Ильинична!

Только на днях вернулся из Барвихи и еще не знаю, долго ли пробуду здесь или поеду на юг. Когда будет операция — тоже не знаю.

Пишу Вам, дорогой друг, всего несколько слов, чтобы поблагодарить Вас за привет.

Слышал очень много хороших отзывов по поводу Вашей статьи обо мне...

Лирических эпиграмм у меня уже около семидесяти. Издательство предлагает выпустить отдельной книжкой небольшого, почти карманного формата.

Пока вот Вам пять из них...»

Дальше идут пять новых четверостиший. Увы, это письмо было последним, — менее, чем через два месяца, С. Я. Маршак умер.

Почти семь лет продолжалась эта удивительная переписка двух столь разных и, как мы убедились, столь близких по духу людей. Поэт и закройщица... Уже в первом робком читательском письме Галины Ильиничны Маршак с присущим ему редкостным чутьем ко всему человечески яркому распознал в авторе личность незаурядную, не колеблясь назвал ее талантливым читателем. А о том, что же это такое — настоящий или, если хотите, по Маршаку, талантливый читатель, — прекрасно написала однажды сама Г. И. Зинченко:

«Читатель не просто читает. Читатель ищет. Он ищет настойчиво и неутомимо. В строках и между строк. Ищет он совсем не то, что ищет критик. Читатель не сортирует положительные и отрицательные моменты, не отмечает птичками места, вызывающие у него сомнения. Читатель менее всего думает о том, упрочил ли автор новым произведением свое порядковое место в литературе, или, напротив, потерял его. Читатель ищет совсем другое...

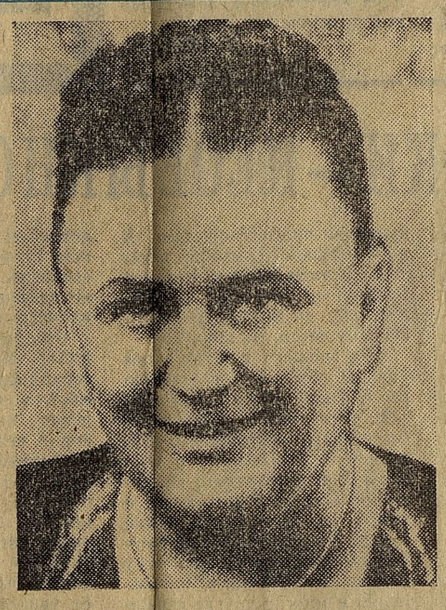
Что же ищет читатель? В сущности — себя. Ответы на свои вопросы, мысли, чувства. Ищет себе близкие, родные черточки, которые делают автора сразу знакомым, произведение — интересным.

И, когда он почувствует в писателе человека своих взглядов, своих сомнений, радостей и обид, тогда происходит истинное сближение с книгой и автором. И чем больше наслаждения приносит книга, тем большие требования предъявляет читатель к автору. Ведь свой — не чужой!»

У нас в газетах часто встречается такая рубрика «Писатель — о себе». Под ней обычно выступают писатели талантливые и интересные. Ну что ж, кажется, можно ввести и новую рубрику: «**Читатель — о себе**». Это тоже может быть интересно. Если читатель — талантливый.

К. ГРИГОРЬЕВ,
собственный корреспондент «ЛГ»
КИЕВ

С. Я. Маршак. Снимок из книги воспоминаний о поэте.



Г. И. Зинченко. Фото из семейного архива.